

DOI: [10.17805/ggz.2022.5.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2022.5.2)

**Биоэтика и ее метафилософские затруднения:
как экспертизе стать гуманитарной?**

С. Ю. Шевченко, С. В. Лаврентьева

*Институт философии РАН,
г. Москва, Российская Федерация*

Концептуальные проблемы биоэтики и гуманитарной экспертизы новых биотехнологий рассматриваются как метафилософские затруднения. Авторы указывают на неизбежность возникновения метафизических вопросов при попытках применить сформулированные в общем виде этические принципы к конкретным случаям регулирования новых технологий.

Попытки перевода метафизических затруднений в русло эпистемологии или философии языка могут предоставлять демонстративные примеры связей между разными отраслями философского знания и разными философскими тезаурусами. Вопрос о том, что является первой философией (метафизика или этика), может быть замещен вопросом о допустимых способах обоснования наших убеждений или проблемой переводимости (хотя бы следствий) нормативных или метафизических высказываний на физикалистский язык. Подходы к двум замещающим вопросам были развиты в аналитической традиции, благодаря интересу к ним со стороны ключевых фигур Венского кружка. Однако проблема соотношения этики и метафизики все равно подспудно возникает при попытке выработать этические регулятивы развития новых технологий.

Так, в рамках этики ответственности Х. Йонаса метафизика трактуется как основание этики. При этом сам философ конструирует метафизические основания исходя из уже обозначенных этических вопросов. Осуществить такое конструирование в гуманитарном и гуманистическом, но не антропоцентрическом ключе, удастся благодаря процессуальному подходу к онтологии биологических наук и к формированию нарративной идентичности человека.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза; метафилософия; принципализм; метафизика; обоснования; доказательства; процессуализм; биоэтика; Х. Йонас

Bioethics and Its Metaphilosophical Difficulties: How Can We Instill Humanitarianism into Expertise?

Sergei Yu. Shevchenko, Sofya V. Lavrentyeva
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

The conceptual issues of bioethics and humanitarian expertise of new biotechnologies are discussed as metaphilosophical difficulties. The authors point out that metaphysical questions are unavoidable when we attempt to apply general ethical principles to particular cases of regulation of new technologies.

Attempts to consider metaphysical troubles within the framework of epistemology or philosophy of language can provide illustrative examples of connections between different branches of philosophical knowledge and various philosophical thesauri. The question of whether metaphysics or ethics is the first philosophy can be replaced by the issue of permissible ways of justifying our beliefs or the problem of translatability of normative or metaphysical statements (at least of their implications) into a physicalist language. Approaches to these two substitute questions have been developed in the analytic tradition, because key figures of the Vienna Circle were actively engaged in these issues. However, the problem of the correlation between ethics and metaphysics still implicitly arises when we try to develop ethical regulatory standards for new technologies.

For instance, within the ethics of responsibility proposed by Hans Jonas, metaphysics is considered as a foundation of ethics. At the same time, the philosopher himself constructs metaphysical grounds drawing on already identified ethical issues. The process approach to the ontology of biology and the narrative identity of humans allows us to construct ethically laden metaphysics in a humanitarian and humanistic, but not in an anthropocentric way.

Keywords: *humanitarian expertise; metaphilosophy; principalism; metaphysics; justifications; evidence; process approach; bioethics; Hans Jonas*

ВВЕДЕНИЕ:

БИОЭТИКА КАК ПРИКЛАДНАЯ МЕТАФИЗИКА

На протяжении нескольких десятилетий главным методологическим спором в биоэтике остается конфликт между принципалистским и казуистическим подходами (Тищенко, 2011). В первом из них можно увидеть попытку представить биоэтику как прикладную этику, занятую применением утилитаризма, деонтологии или этики добродетелей для установления нормативных границ биомедицинских практик (Flynn, 2020: Электронный ресурс). Конкретная система биоэтических принципов не обязательно являются продолжением

или приложением одной из этических теорий, которую создатели этой системы мыслят как единственно верную. Так, в рамках джорджтаунской мантры — совокупности четырех принципов, наиболее часто применяющихся в современной биомедицине, — утилитаристские принципы непричинения вреда и благодеяния сочетаются с деонтологическим принципом уважения автономии пациента. В то же время саму систему принципов можно мыслить не как набор конкретных регулятивов, позволяющих найти выход из затруднительного положения, — они могут быть использованы как своеобразная эвристика принятия этически нагруженных решений. Т. е. сами по себе принципы не определяют, что является благом, вредным или справедливым, они лишь задают различные аспекты для оценки приемлемости деяния. Впрочем, эти аспекты опять-таки могут быть легко сведены все к тем же общим этическим теориям. Тогда благо и вред будут оценены по одной из утилитаристских шкал, а концепция автономии будет собрана из понятийного аппарата кантовской этики.

Казуистика предлагает «восходить» от отдельных конфликтов или затруднений в принятии решения к системе этического регулирования медицины и биотехнологий. Итогом такого «восхождения» отнюдь не обязательно оказываются эксплицитно сформулированные этические принципы, чаще всего это ряд наиболее показательных случаев. При этом новые коллизии могут быть разрешены по аналогии с хорошо проанализированными прецедентами. Сторонники такого подхода считают, что такой стиль мышления привычен для медицинских работников, поэтому казуистика наилучшим образом срабатывает для преодоления моральных затруднений «в рабочем порядке» (Arras, 2017). Однако их оппоненты считают, что при таком типе регулирования члены этических комитетов, принимающие решение по конкретному казусу, могут попросту узаконить свои моральные интуиции, сделать их неявной частью всеобщего правила (*ibid.*).

Впрочем, и общие правила также могут трактоваться не менее произвольно. Например, этические комитеты обычно признают допустимым осуществить переливание крови несовершеннолетним без согласия родителей, руководствуясь при этом принципом непричинения вреда. Но члены религиозной организации «Свидетели Иеговы», опираясь на тот же принцип, могут возразить, что вред от переливания, как от поступка, запрещенного их учением, гораздо больше и важнее, чем сохранение жизни (Brummett, 2019). Т. е. один и тот же принцип обуславливает противоположные решения. С другой стороны, даже радикальное расхождение в принципах (в моральных позициях) зачастую не мешает людям легко соглашаться с решением конкретной этической кол-

лизии. С. Тулмин ярко высвечивает этот парадокс в известной статье «Тирания принципов», в которой он рассматривает работу американской Национальной комиссии по защите людей в рамках биомедицинских и поведенческих исследований (Toulmin, 1981). Несмотря на конфликты на уровне общих принципов, ее члены легко принимали консенсусные решения даже по самым сложным казусам.

А. Макинтайр развивает эту линию критики принципализма в статье, опубликованной в рамках дискуссии о прикладной этике в журнале «Монист». В ней он утверждает, что принципализм пытается помыслить моральные принципы как существующие в социальном вакууме, но «никакое правило не может существовать помимо ряда возможных применений этого правила»¹ (MacIntyre, 1984: 503; пер. наш. — *Авт.*). При этом понимание правила не сводится только к усвоению этого ряда. Иллюстрируя этот тезис, он излагает следующую историю. Во II в. н. э. один из иудеев города Александрии предлагает местным последователям Аристотеля распространить запрет на убийство человека на случаи аборт и убийство новорожденных. Макинтайр полагает, что в этот довод в пользу расширения сферы применения правила вписано контрфактическое суждение, апеллирующее к нормам сообщества (*ibid.*: 505). Т. е. для того, чтобы аргумент оказался действенным, аристотелики должны быть уже согласны, что убийство человека морально недопустимо, а само суждение иудея может начинаться примерно так: «Если бы мы согласились в том, что плод или новорожденный — уже полноценный человек...».

В этом случае вопрос о границах применимости морального регулятива сталкивает нас с метафизическим вопросом о природе человека. Такая ситуация довольно типична для биоэтики: в подобной морально-метафизической плоскости зачастую обсуждаются вопросы о допустимости эвтаназии, применении технологий физического и когнитивного улучшения человека, отбраковке эмбрионов, имеющих серьезные поломки в генетическом аппарате в рамках процедуры ЭКО.

Таким образом, метафизика играет в биоэтике радикально более значимую роль, чем принято полагать. Биоэтика предполагает не просто выстраивание аналогий или распространение принципов на ситуации, включающие объекты, которые мы легко можем обнаружить в окружающем мире, как это происходит в примере Макинтайра с абортами. Биоэтика занята регулированием того, что может быть на текущий момент технически нереализуемым, т. е. актуально невозможным. Например, биоэтические дискуссии могут быть посвя-

¹ “No rule exists apart from some range of applications” (MacIntyre, 1984: 503).

щены тому, возможность чего может возникнуть в ходе длинной череды биомедицинских экспериментов (например, пересадка головы человека) (Попова и др., 2017). Обсуждение и принятие решения в биоэтике зачастую предполагает ощупывание границ апостериорно необходимого. Если вода с необходимостью имеет химическую формулу H_2O (см.: Кгирке, 1980), то можем ли мы приписать необходимость обладать определенными генетическими особенностями растениям, животным и человеку? Что означает сохранение видовой идентичности и тождества с самой собой? Какое понимание причинности должно обуславливать решения о признании биологических объектов рукотворными? Решения, в конце концов закрепленные в патентном праве?

Решение этих вопросов в рамках конкретных биоэтических коллизий имеет вполне определенные практические последствия. Но биоэтика является прикладной метафизикой не потому, что доводит заранее существующие метафизические интуиции до их ощутимых следствий. Скорее, биоэтические проблемы заставляют оформиться и сформироваться метафизические интуиции врачей, биологов, правоведов, «практических философов» и «людей с улицы» — всех, кто включен в публичное обсуждение этих проблем. В этом смысле некоторые биоэтические коллизии играют ту же роль, что и мысленные эксперименты в аналитической философии. При этом консенсус при решении практически значимых метафизических проблем может конкретизировать общность интуиций о причинности, тождестве и различии — ту общность, выявлением которой занята «кабинетная философия» в рамках концептуального анализа (Васильев, 2019).

Итак, выше были намечены три взаимосвязанные, но все же различимые роли метафизического мышления в исследовании и решении биоэтических проблем.

Во-первых, в этом контексте могут обретать особую значимость метафизические аспекты ценностно-нагруженных понятий.

Во-вторых, метафизика может определять границы применимости моральных принципов или пределы проведения аналогий между этическими казусами.

И, в-третьих, в отдельные биоэтические регулятивы могут быть вписаны ответы на собственно метафизические вопросы: о природе причинности, тождестве и апостериорной необходимости.

Это не означает, однако, что члены этических комитетов, разрабатывающие эти регулятивы, заняты приписыванием реальности некоторых универсальных метафизических свойств. Они, скорее, заняты экспликацией метафи-

зических интуиций и оценкой их практического значения. Т. е. они обращаются к метафизике в том же ключе, в каком предлагает это сделать У. Джеймс в лекциях о прагматизме (Джеймс, 2015).

ТРИ МЕТАФИЛОСОФСКИХ ВОПРОСА

Три перечисленных выше линии постановки метафизических вопросов в рамках биоэтики обычно тесно сплетены. Мы лишь иногда имеем возможность рассмотреть каждую из них самостоятельно. Способы постановки метафизических проблем в рамках биоэтики провоцируют практическое использование фундаментальных философских теорий и понятий. В этой связи биоэтика проявляет себя как «другая», «практическая» метафизика. Это значит, что она может быть ценным ресурсом для пересборки основополагающих философских дискуссий. Начальной точкой такой пересборки может стать реальная биоэтическая коллизия, для разрешения которой привлекаются ресурсы магистральных философских дискуссий. Например, разные подходы к тождеству личности мы можем оценить с позиции их применимости для разрешения казуса «кофейной эвтаназии» (Downie, Lloyd-Smith, 2015: 103). Пациентка с деменцией после оглашения диагноза высказывает желание подвергнуться эвтаназии в момент, когда симптомы заболевания приобретут определенную тяжесть². Но затем, в момент, который врачи признают подходящим под озвученные ею критерии, она отказывается от своего решения. Имеем ли мы здесь дело с решениями одной и той же человеческой личности — учитывая, что значимых для многих теорий тождества личности критерий непрерывности памяти не выполняется?

Сталкиваясь с подобными проблемами, мы прежде всего должны ответить на вопрос, который можно сформулировать либо как метафилософский, либо как вопросы из области философии языка или эпистемологии, ответы на которые должны быть применимы в области метафилософии.

Собственно метафилософская его постановка может быть следующей: *является ли метафизика первой философией или мы можем / должны принимать во внимание этические доводы при ответе на метафизические вопросы?*

Т. е. можем ли мы сказать, что отказ от эвтаназии необходимо принять во внимание, так как он дан личностью отличной от той, что давала согласие? При этом отказывающаяся личность принимает решение касательно своей собственной судьбы. Главным же доводом в пользу такого решения будет этическая неприемлемость противоположного взгляда. По этическим мотивам мы

² Авторы благодарят доцента НИУ ВШЭ кандидата юридических наук Е. А. Серебрякову за знакомство с этим казусом.

принимаем позицию, согласно которой человек может меняться настолько, что он или она (даже сохраняя воспоминание о своей прежней судьбе) становится другой личностью. Например, таковым может быть обоснование в пользу социальной реинтеграции понесших наказание и раскаявшихся преступников.

Этот же самый вопрос применим и для изложенного выше примера с аристотеликами и абортom. Можно ли сначала, отталкиваясь от «биологической онтологии», признать плод человеком или мы делаем это, уже ориентируясь на наши моральные интуиции?

Такая формулировка близка к эпистемологической постановке того же вопроса: *всякое ли обоснование (justification) нашего убеждения ограничено только доказательствами (evidence) в его пользу?*

В эпистемологии эта проблема приобрела форму споров вокруг эвиденциализма — точки зрения, предполагающей положительный ответ на поставленный вопрос. Но его применение к метафизическому мышлению заставляет нас обратиться к более ранним источникам — например, к работам Р. Карнапа (Fantl, McGrath, 2002). Он и другие неопозитивисты отметили метафизические проблемы как псевдопроблемы, потому что в пользу того или иного их решения нельзя было получить доказательства. Нельзя путем наблюдения или эксперимента получить доказательства ни верности реализма (условно говоря, верности суждения «Внешний мир реален»), ни верности идеализма (условно, «Я произвожу свойства внешнего мира, наблюдая его»). Есть ли у нас что-то еще кроме таких доказательств? Возможно ли обоснование того или иного метафизического убеждения за пределами доказательств, включающих и эксплицитно выраженные мнения «компетентных» людей?

Отсюда вытекает проблематизация того, как мы можем сформулировать основания того или иного убеждения. Карнап предлагал считать физикалистский язык универсальным языком науки (Карнап, 2010). Для биоэтики «чистая наука» не менее сильная абстракция, чем «исключительно физикалистский язык». Однако языковая проблема, связанная с постановкой и рассмотрением биоэтических коллизий, связана с необходимостью использовать параллельно «натуралистские»³ и «обыденные» высказывания. Любая биоэтическая дилемма содержит обе эти составляющие. Собственно, иначе нужно исключить из ее названия либо «био-», либо «-этику». Соответственно, обращенный к метафизике вопрос с позиций философии языка может быть задан так: *если существуют обоснования метафизических убеждений (в первую очередь, за*

³ В данном случае натурализм можно без особых потерь приравнять к физикализму. Собственно, Карнап иллюстрировал свой физикалистский проект тем, что сейчас мы бы назвали попыткой натурализации феноменальных состояний.

пределами натуралистических доказательств), можно ли натурализовать их или следствия из них? Иначе говоря, нельзя ли сформулировать их на «физикалистском» языке?

УБЕЖДЕНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Все три выделенных курсивом вопроса проблематизируют отношения между «био-» и «этикой». В этой связи они выглядят так, будто практически ориентированная постановка каждого из них предполагает постановку остальных двух. В этом разделе мы рассмотрим в основном связь между первым и вторым из них.

Начнем мы с того же, с чего начинается «Метафизика» — со свойственного человеку «по природе» стремления к знанию. Одна из современных прагматистских (!) стратегий защиты делиберативной демократии отталкивается от стремления людей знать истину (Talisse, 2010). Дж. С. Милль связывал демократию и стремление к знанию в консеквенциалистском ключе. Т. е. раз более инклюзивное и демократичное обсуждение важных вопросов чаще приводит нас к истине, а цель человека — познание истины, значит, большинство людей будет стремиться к тому, что соответствует их цели, к демократии (Mill, 1991).

Прагматистская аргументация ориентирована не на последствия, а на основания «народной эпистемологии». Ни один здравомыслящий человек не испытывает удовлетворение от признания, что его / ее убеждения ложны. Значит, практики и институты, с высокой вероятностью приводящие к формированию ложных убеждений, будут отвергнуты как неприемлемые. Если принять, что в арсенале нашей аргументации есть только эпистемологические доводы или доводы от «народной эпистемологии» (которые в целом изоморфны «по природе стремиться к знанию»), то возможностей возразить на этот аргумент практически не остается.

Однако наш социальный опыт, сколь бы он ни был ограничен, дает множество примеров, заставляющих отвергнуть такое сведение любых оснований (*justification*) для убеждения к доказательствам (*evidence*) — т. е. к нашему непосредственному знанию (знанию-знакомству) и убеждениям других людей (знанию-сообщению). Наиболее обсуждаемая статья против эвидентализма была написана 20 лет назад Дж. Фантлом и М. Макгрэтом (Fantl, McGrath, 2002). Они предлагают рассмотреть два следующих примера:

1. Вы стоите в выходной день на платформе и ждете электричку. Вам нужно увидеть друзей в другом городе, в котором электричка точно останавливается. Вы вяло беседуете с незнакомцем, которому нужно туда же.

Показывается поезд. Вы спрашиваете собеседника, останавливается ли поезд на небольших станциях.

— Да, — отвечает незнакомец, — так мне сказал кассир, когда продавал билет.

Вы убеждены в том, что поезд будет останавливаться, и у вашего убеждения есть основания.

2. Вы стоите на той же платформе с тем же незнакомцем. Но вам срочно нужно попасть на небольшую станцию, на которой останавливаются не все поезда. Происходит тот же диалог. Но теперь вы думаете: «Этому парню нужно в другое место. Ему не было дела до этой промежуточной остановки. Может быть, кассир не понял вопрос. Может быть, он покупал билет раньше и полученные им сведения больше не актуальны» (Fantl, McGrath, 2002: 67–68).

Как мы видим, эпистемическая составляющая в обоих примерах одинакова. Те сведения, что вы получили, ничем не отличаются (*evidence*). Но в первом случае большинство из нас признает сформированные в результате разговора убеждения обоснованными, во втором — все мы поймем сомнения торопящегося на важную встречу человека. Позднее Фантл еще обращался к данной проблематике, обозначая, как меняется поведение человека в обращении со знаниями, когда цена ошибки высока и когда само по себе обладание знанием не является причиной, чтобы перейти непосредственно к действию. Это может быть проиллюстрировано следующим примером: хирург перед операцией обладает сведениями, что пациенту надо удалить левую почку, но, несмотря на это, не приступает к операции сразу же, а проверяет медицинские записи. С учетом его знаний это действие не имеет смысла. Оно становится понятным, если мы принимаем к сведению тот факт, что удаление не той почки приведет к смерти пациента, а значит, даже призрачная вероятность ошибки должна быть устранена (Fantl, 2018: 137–138).

Знание, существующее ради себя самого, редко нас интересует. При этом его не стоит путать со знанием, преобразующем нас самих, но сейчас речь не о нем. Итак, больной обосновано может не хотеть знать правду о диагнозе, потому что наступившее в результате разочарование может уменьшить его шансы на благоприятный исход (James, 1956: 1–31). У. Джеймс приводит этот пример, полемизируя со своим современником У. Клиффордом. Последний рассматривает случай с владельцем корабля, которому выгодно не замечать проблемы с безопасностью рейсов и продолжать продавать на них билеты. Независимо от того, хорошо закончится плавание или корабль потерпит катастрофу, владелец неправ (Clifford, 1999: 70). Клиффорд сам пережил кораблекрушение и знал, о чем говорил. Но разница между примерами Клиффорда и

Джеймса — чисто этическая. Статья Стэнфордской философской энциклопедии, для которой этот спор явился центральным сюжетом, называется «этика верования (убеждения)» (Chignell, 2018: Электронный ресурс). К этическим обязательствам можно свести и пример Фантла и Макграта: у нас есть моральная обязанность не опаздывать на деловые встречи, поэтому оценка обоснованности убеждений и различается. Но если речь пойдет не о моральных обязательствах перед контрагентом, а о желании успеть на цирковое представление — разница сохранится. Итак, эвидентализм не срабатывает в большинстве социальных контекстов. Но годится ли он для того, чтобы быть регулятивным идеалом применения биомедицинского знания? И может ли он показать справедливость эпистемологической критики метафизики — в том виде, в каком эту попытку предпринимал Р. Карнап?

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВЫБОРУ МЕТАФИЗИКИ

Спор Р. Карнапа и У. Куайна часто рассматривается как методологический диспут о природе обоснования в науке. Представим, что у нас есть две несовместимых гипотезы, одинаково согласующиеся с имеющимися у нас доказательствами (*evidence*). Можем ли мы каким-то образом обосновать предпочтение в пользу одной из них (Hylton, 1982)?

Разумеется, история науки, начиная с Т. Куна, предоставляет нам множество примеров того, как менее точная в своих предсказаниях теория вытесняет более надежно работающую. Но суть спора Карнапа и Куайна можно грубо передать так: должны ли мы воспринимать обоснования победы коперникианства над надежно работающей системой Птолемея как годящиеся для нас сейчас?

Ранний Карнап считал метафизические вопросы философскими псевдопроблемами не потому, что ту или иную метафизическую позицию нельзя подкрепить доказательствами (Bradley, 2018). Проблема в том, что эти же доказательства так же эффективно подкрепляют и альтернативную позицию. Довод в пользу реализма вида «Я вижу деревья, могу взять с дороги камень», так же хорошо работают и на идеализм. Эпистемологических средств для разрешения конфликта между реализмом и идеализмом он не видел. Судя по всему, Карнап не изменил своих взглядов и к концу жизни (Carnap, 1950). Но это не значит, что он отрицал прагматические основания выбора одной из позиций.

Суть критики Куайна в двух предложениях можно передать так:

1) Не только метафизические высказывания испытывают проблему с доказательствами.

2) Утверждения естественных наук также не могут быть полностью обоснованы за счет доказательств.

Действительно, в рамках определенного контекста — отталкиваясь от определенной совокупности принятых убеждений — любое высказывание может подкреплять любое другое. Но нельзя представить себе высказывание, которое бы в ситуации выбора между двумя метафизическими позициями, находящимися за пределами опыта, дало бы возможность предпочесть только одну из них как верную (Bradley, 2018).

Но насколько ситуация такого *эпистемологического* выбора между *метафизическими позициями* является предвосхищением вывода? Если метафизика уже определена как сфера нечувствительная к доказательствам, зачем разумному человеку ввязываться в безнадежное мероприятие по поиску таких доказательств?

Кроме того — и это уже второй довод против попытки вообразить метафизические позиции на эпистемологических весах — само предложение представить ситуацию такого выбора, возможно, является слишком сильной абстракцией. В предыдущем разделе мы показали, как валидность доводов в пользу принятия убеждения «Поезд остановится на каждой станции» зависит от практических соображений. Можем ли мы представить себе агента без практических соображений вообще, но наделенного определенной эпистемологической позицией. Такой агент уже должен был совершить выбор между различными концепциями истинности. Мы не знаем, является ли такой выбор основанным на прагматических основаниях, позволяющих также выбрать и метафизическую позицию. Однако в большей степени мы можем быть уверены в том, что выбор эпистемологической точки зрения не может быть функцией от сведений (доказательств, *evidence*), которыми располагает агент.

ЭТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КОНСТРУИРОВАНИЮ МЕТАФИЗИКИ

Некоторые метафизические позиции часто подвергаются обвинениям в формировании ошибочных или потенциально угрожающих ценностных позиций в экологической этике или биоэтике. Чаще всего просвещенческие или картезианские метафизики признаются редуccionистскими и подталкивающими к признанию любых форм холизма связанными с мифом и магическими практиками (Godfrey-Smith, 1979).

Наиболее простая, схематичная типология метафизических оснований экологической этики предполагает их разделение на три типа позиций (Pignatti, 2013):

1) Антропоцентрическая позиция, в первую очередь определяющая ориентацию на ответственность перед будущими поколениями, понимаемую консеквенциалистски.

2) Дуалистическая позиция, предполагающая наличие трансцендентальных законов, которые могут определить отношение человека к природе, при том, что природный мир и сфера духовной жизни отделены друг от друга. Считается, что авраамические религии в основном задают эту позицию.

3) Холистическая позиция, предлагающая считать человека компонентом биосферы и отдельных экосистем так, как это делают представители «глубинной экологии».

Некоторые авторы считают этику ответственности Х. Йонаса производной от антропоцентрической метафизики. Если мы консеквенциалистски понимаем ответственность, то биоразнообразие должно пониматься с точки зрения его инструментальной ценности. Но значимые для человека последствия «великого вымирания» могут быть в значительной степени нивелированы за счет успехов синтетической биологии. Еще один вопрос заключается в том, на каком основании возникает наша заинтересованность в благополучии будущих поколений, т. е. тех, с кем мы скорее всего будем иметь мало общего и в культурном, и в генетическом смысле (Pignatti, 2013: 92)?

Для того чтобы ответить на два этих этических вопроса, Йонас отваживается на конструирование собственной метафизики. Причем такое конструирование предполагает пересборку основополагающих вопросов (Jonas, 1979: 95). Философ предлагает пойти дальше проблемы смысла существования к вопросу «На чем вообще основывается наше стремление к тому, чтобы существовал хотя бы кто-то?». Далее Йонас предостерегает нас от представлений «о ком-то» как именно о человеке, призывая избегать антропоцентрических ошибок.

Это предостережение связано с предшествующими рассуждениями Йонаса о «принципе ответственности» и ошибках рассматриваемых им этических систем. Они исходили из того, что природа человека и природа вещей в своих сущностных свойствах неизменны и неуязвимы (Гаджикурбанова, 2003). Но техника показала не только очевидную уязвимость человека и природы, но и их изменчивость. В этом заключается важный для нас пафос работы Йонаса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, ради решения (мета)этических задач Х. Йонас конструирует необходимую ему метафизику. Т. е. собственно первой философией для него оказывается этика, а выбор или, точнее, сборка метафизической позиции осуществляется в границах, заданных этической теорией. Таким же образом уже

упоминавшийся выше У. Джеймс заменял эпистемологическое обоснование этическим.

Сама этическая теория Йонаса не антропоцентрична — облик будущей биосферы Земли может быть не похож на текущий, а «кто-то существующий» может быть культурно и биологически далек от современных людей. Но эта теория гуманистична и гуманитарна. Гуманистична потому, что ученый отталкивается от интуиций, которые легко принять и разделить. А гуманитарна за счет способа преодоления антропоцентризма. Нам предлагается распознать изменчивость и хрупкость природы благодаря собственному опыту изменчивости и хрупкости.

История человеческой жизни и есть производство действующего лица этой истории. Процесс развития технологий накладывается на этот процесс, изменяя его. Точно такому же влиянию подвергаются и «природные» процессы. В этой связи наиболее гуманитарным взглядом на онтологию может быть признан процессуализм, при том, что он является и крайне актуальной онтологической позицией в современной биологии. Развитие процессуализма как онтологии и для биологических, и для биографических рассуждений осуществляется представителем современной философии биологии Дж. Дюпре (Dupré, 2012, 2020).

Выбор процессуализма как метафизической позиции может легко быть признан этически нагруженным, поскольку за ним стоит признание ценности временного существования разного рода существ. Процессуальное понимание изменяет постановку многих вопросов о границах применимости этических принципов. Оно легко обеспечивает пусть не полную, но переводимость биологического факта в развитии одних существ (например, эмбрионов с отредактированным геномом) в биографические факты и нарративные вехи в жизни других существ (например, через вопрос о моральной вменяемости экспериментаторов в случае наступления отдаленных последствий редактирования). Иными словами, процессуализм предполагает не натурализацию биоэтических проблем, но возможность их скоординированной постановки на языках биологии и этики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев, В. В. (2019) Послесловие к панельной дискуссии о кабинетной философии // Эпистемология и философия науки. Т. 56. № 2. С. 53–59. DOI: [10.5840/eps201956229](https://doi.org/10.5840/eps201956229). EDN: [NWEISK](https://www.edn.ru/entry/NWEISK)

Гаджикурбанова, П. А. (2003) Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль / отв. ред. А. А. Гусейнов. М. : ИФ РАН. 205 с. Вып. 4. С. 161–178. EDN: [LHTDIV](https://www.edn.ru/entry/LHTDIV)

Джеймс, У. (2015) Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии / пер. с англ. П. С. Юшкевича. Изд. 4-е. М. : Ленанд. 240 с.

Карнап, Р. (2010) Физикалистский язык как универсальный язык науки / пер. А. Л. Никифорова // Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное : пер. с нем. / под ред. О. А. Назаровой. М. : Идея-Пресс ; «Канон+» РООИ «Реабилитация». 640 с. С. 170–211.

Попова, О. В. и др. (2017) Этические проблемы экспериментальной хирургии: казус проекта «Пересадки головы» / О. В. Попова, О. Н. Резник, П. Д. Тищенко, С. Ю. Шевченко // Клиническая и экспериментальная хирургия. Журнал имени академика Б. В. Петровского. Т. 5. № 3 (17). С. 81–89. DOI: [10.24411/2308-1198-2017-00049](https://doi.org/10.24411/2308-1198-2017-00049). EDN: [ZGSBWR](https://www.edn.net/ZGSBWR)

Тищенко, П. Д. (2011) На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб. : Изд. дом «Миръ». 328 с. EDN: [QXCBBHZ](https://www.edn.net/QXCBBHZ)

Arras, J. D. (2017) Methods in bioethics: The way we reason now. N. Y. : Oxford University Press. xvii, 224 p.

Bradley, D. (2018) Carnap's epistemological critique of metaphysics // Synthese. Vol. 195. Issue 5. P. 2247–2265. DOI: [10.1007/s11229-017-1335-x](https://doi.org/10.1007/s11229-017-1335-x)

Brummett, A. (2019) Whose harm? Which metaphysics? // Theoretical Medicine and Bioethics. Vol. 40. Issue 1. P. 43–61. DOI: [10.1007/s11017-019-09480-1](https://doi.org/10.1007/s11017-019-09480-1)

Carnap, R. (1950) Empiricism, semantics, and ontology // Revue Internationale de Philosophie. Vol. 4. Issue 11. P. 20–40.

Chignell, A. (2018) The ethics of belief [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/ethics-belief> [архивировано в [Wayback Machine](https://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 01.09.2022).

Clifford, W. K. (1999) The ethics of belief // Clifford W. K. The ethics of belief and other essays / introduction by T. J. Madigan. Amherst : Prometheus Books. xxii, 128 p. P. 70–96.

Downie, J., Lloyd-Smith, G. (2015) Assisted dying for individuals with dementia: Challenges for translating ethical positions into law // New directions in the ethics of assisted suicide and euthanasia / ed. by M. Cholbi, J. Varelius. Cham : Springer. ix, 252 p. P. 97–123. (International library of ethics, law, and the new medicine, vol. 64). DOI: [10.1007/978-3-319-22050-5_7](https://doi.org/10.1007/978-3-319-22050-5_7)

Dupré, J. (2012) Processes of life: Essays in the philosophy of biology. Oxford : Oxford University Press. viii, 350 p.

Dupré, J. (2020) Life as process // Epistemology & Philosophy of Science. Vol. 57. Issue 2. P. 96–113. DOI: [10.5840/eps202057224](https://doi.org/10.5840/eps202057224). EDN: [UNJIAR](https://www.edn.net/UNJIAR)

Fantl, J. (2018) *The limitations of the open mind*. Oxford : Oxford University Press. xviii, 229 p.

Fantl, J., McGrath, M. (2002) Evidence, pragmatics, and justification // *The Philosophical Review*. Vol. 111. No. 1. P. 67–94. DOI: [10.2307/3182570](https://doi.org/10.2307/3182570)

Flynn, J. (2020) Theory and bioethics [Электронный ресурс] // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/theory-bioethics> [архивировано в [Wayback Machine](https://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 01.09.2022).

Godfrey-Smith, W. (1979) The value of wilderness // *Environmental Ethics*. Vol. 1. Issue 4. P. 309–319. DOI: [10.5840/enviroethics19791426](https://doi.org/10.5840/enviroethics19791426)

Hylton, P. (1982) Analyticity and the indeterminacy of translation // *Synthese*. Vol. 52. No. 2. P. 167–184.

James, W. (1956) *The will to believe and other essays in popular philosophy*. N. Y. : Dover Publications. xvii, 327 p.

Jonas, H. (1979) *Das Prinzip Verantwortung: Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*. Frankfurt am Main : Insel Verlag. 423 S.

Kripke, S. A. (1980) *Naming and necessity*. Cambridge, MA : Harvard University Press. 172 p.

MacIntyre, A. (1984) Does applied ethics rest on a mistake? // *The Monist*. Vol. 67. No. 4. P. 498–513.

Mill, J. S. (1991) On liberty // *Mill J. S. On liberty and other essays* / ed. by J. Gray. Oxford : Oxford University Press. xxxv, 592 p. P. 1–128.

Pignatti, S. (2013) A discussion on the foundations of environmental ethics // *Rendiconti Lincei*. Vol. 24. Issue 2. P. 89–94. DOI: [10.1007/s12210-013-0226-4](https://doi.org/10.1007/s12210-013-0226-4)

Talisse, R. B. (2010) An epistemological defense of democracy // *Critical Review*. Vol. 22. Issue 2–3. P. 281–291. DOI: [10.1080/08913811.2010.508636](https://doi.org/10.1080/08913811.2010.508636)

Toulmin, S. (1981) The tyranny of principles // *The Hastings Center Report*. Vol. 11. Issue 6. P. 31–39. DOI: [10.2307/3560542](https://doi.org/10.2307/3560542)

Дата поступления: 15.09.2022 г.

REFERENCES

Vasiliev, V. V. (2019) Posleslovie k panel'noi diskussii o kabinetnoi filosofii [Afterword to the panel discussion on armchair philosophy]. *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 56, no. 2, pp. 53–59. (In Russ.). DOI: [10.5840/eps201956229](https://doi.org/10.5840/eps201956229). EDN: [NWEISK](https://www.edn.ru/entry/NWEISK)

Gadzhikurbanova, P.A. (2003) Strakh i otvetstvennost': etika tekhnologicheskoi tsivilizatsii Gansa Ionasa [Fear and responsibility: The ethics of Hans Jonas' technological civilization]. In: *Eticheskaja mysl' [Ethical thought]* / ed. by

A. A. Guseynov. Moscow : Institute of Philosophy of the RAS. Issue 4. 205 p. Pp. 161–178. (In Russ.). EDN: [LHTDIV](#)

James, W. (2015) *Pragmatizm: novoe nazvanie dlia nekotorykh starykh metodov myshleniia. Populiarnye lektsii po filosofii [Pragmatism: A new name for some old ways of thinking. Popular lectures on philosophy]* / transl. from English by P. S. Yushkevich. 4th edn. Moscow : Lenand. 240 p. (In Russ.).

Carnap, R. (2010) Fizikalistskii iazyk kak universal'nyi iazyk nauki [Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft / The physical language as the universal language of science] / transl. from German by A. L. Nikiforov. In: *Filosofii i estestvoznanie. Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie»)*. Izbrannoe [Philosophy and natural science. Journal “Erkenntnis” (“Knowledge”). Selected works] : transl. from German ; ed. by O. A. Nazarova. Moscow : Ideia-Press ; “Kanon+” RPOD “Reabilitatsiia”. 640 p. Pp. 170–211. (In Russ.).

Popova, O. V. et al. (2017) Eticheskie problemy eksperimental'noi khirurgii: kazus proekta «Peresadki golovy» [Ethical issues of experimental surgery: “Head transplant” case] / O. V. Popova, O. N. Reznik, P. D. Tishchenko and S. Yu. Shevchenko. *Klinicheskaiia i eksperimental'naia khirurgiia. Zhurnal imeni akademika B. V. Petrovskogo*, vol. 5, no. 3 (17), pp. 81–89. (In Russ.). DOI: [10.24411/2308-1198-2017-00049](#). EDN: [ZGSBWR](#)

Tishchenko, P. D. (2011) *Na graniakh zhizni i smerti. Filosofskie issledovaniia osnovanii bioetiki [On the edge of life and death. Philosophical studies of the foundations of bioethics]*. St. Petersburg : Publishing House “Mir”. 328 p. (In Russ.). EDN: [QXCBHZ](#)

Arras, J. D. (2017) *Methods in bioethics: The way we reason now*. New York : Oxford University Press. xvii, 224 p.

Bradley, D. (2018) Carnap’s epistemological critique of metaphysics. *Synthese*, vol. 195, issue 5, pp. 2247–2265. DOI: [10.1007/s11229-017-1335-x](#)

Brummett, A. (2019) Whose harm? Which metaphysic? *Theoretical Medicine and Bioethics*, vol. 40, issue 1, pp. 43–61. DOI: [10.1007/s11017-019-09480-1](#)

Carnap, R. (1950) Empiricism, semantics, and ontology. *Revue Internationale de Philosophie*, vol. 4, issue 11, pp. 20–40.

Chignell, A. (2018) The ethics of belief. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta. [online] Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/ethics-belief> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 01.09.2022).

Clifford, W. K. (1999) The ethics of belief. In: Clifford, W. K. *The ethics of belief and other essays* / introduction by T. J. Madigan. Amherst : Prometheus Books. xxii, 128. Pp. 70–96.

Downie, J. and Lloyd-Smith, G. (2015) Assisted dying for individuals with dementia: Challenges for translating ethical positions into law. In: *New directions in the ethics of assisted suicide and euthanasia* / ed. by M. Cholbi and J. Varelius. Cham : Springer. ix, 252 p. Pp. 97–123. (International library of ethics, law, and the new medicine, vol. 64). DOI: [10.1007/978-3-319-22050-5_7](https://doi.org/10.1007/978-3-319-22050-5_7)

Dupré, J. (2012) *Processes of life: Essays in the philosophy of biology*. Oxford : Oxford University Press. viii, 350 p.

Dupré, J. (2020) Life as process. *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 57, issue 2, pp. 96–113. DOI: [10.5840/eps202057224](https://doi.org/10.5840/eps202057224). EDN: [UNJIAR](https://www.edn.org/UNJIAR)

Fantl, J. (2018) *The limitations of the open mind*. Oxford : Oxford University Press. xviii, 229 p.

Fantl, J., McGrath, M. (2002) Evidence, pragmatics, and justification. *The Philosophical Review*, vol. 111, no. 1, pp. 67–94. DOI: [10.2307/3182570](https://doi.org/10.2307/3182570)

Flynn, J. (2020) Theory and bioethics. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta and U. Nodelman. [online] Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/theory-bioethics> [archived in [Wayback Machine](https://www.waybackmachine.org/)] (accessed 01.09.2022).

Godfrey-Smith, W. (1979) The value of wilderness. *Environmental Ethics*, vol. 1, issue 4, pp. 309–319. DOI: [10.5840/enviroethics19791426](https://doi.org/10.5840/enviroethics19791426)

Hylton, P. (1982) Analyticity and the indeterminacy of translation. *Synthese*, vol. 52, no. 2, pp. 167–184.

James, W. (1956) *The will to believe and other essays in popular philosophy*. New York : Dover Publications. xvii, 327 p.

Jonas, H. (1979) *Das Prinzip Verantwortung: Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*. Frankfurt am Main : Insel Verlag. 423 S.

Kripke, S. A. (1980) *Naming and necessity*. Cambridge, MA : Harvard University Press. 172 p.

MacIntyre, A. (1984) Does applied ethics rest on a mistake? *The Monist*, vol. 67, no. 4, pp. 498–513.

Mill, J. S. (1991) On liberty. In: *On liberty and other essays* / ed. by J. Gray. Oxford : Oxford University Press. xxxv, 592 p. P. 1–128.

Pignatti, S. (2013) A discussion on the foundations of environmental ethics. *Rendiconti Lincei*, vol. 24, issue 2, pp. 89–94. DOI: [10.1007/s12210-013-0226-4](https://doi.org/10.1007/s12210-013-0226-4)

Talisse, R. B. (2010) An epistemological defense of democracy. *Critical Review*, vol. 22, issue 2–3, pp. 281–291. DOI: [10.1080/08913811.2010.508636](https://doi.org/10.1080/08913811.2010.508636)

Toulmin, S. (1981) The tyranny of principles. *The Hastings Center Report*, vol. 11, issue 6, pp. 31–39. DOI: [10.2307/3560542](https://doi.org/10.2307/3560542)

Submission date: 15.09.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Сергей Юрьевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-90-67. Эл. адрес: simurg87@list.ru

Лаврентьева Софья Всеволодовна — младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-90-67. Эл. адрес: sonnig89@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

SHEVCHENKO Sergei Yurievich, Candidate of Philosophy, Senior Researcher, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 12 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-90-67. E-mail: simurg87@list.ru

SPIN-код РИНЦ: [2783-6006](#)

ORCID: [0000-0002-7935-3444](#)

ResearcherID: [F-5320-2018](#)

Scopus Author ID: [57192993265](#)

LAVRENTYEVA Sofya Vsevolodovna, Junior Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 12 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-90-67. E-mail: sonnig89@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [6190-6850](#)

ORCID: [0000-0002-3082-2975](#)

ResearcherID: [S-7515-2016](#)

Scopus Author ID: [57214819929](#)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шевченко С. Ю., Лаврентьева С. В. Биоэтика и ее метафилософские затруднения: как экспертизе стать гуманитарной? [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2022. № 5. С. 22–40. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1699> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2022.5.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2022.5.2)